

Посмертные мытарства души

Смерть святой Феодоры и видения мытарств души Приводится по книге "Посмертные мытарства души и Страшный Суд Божий", М., 2000, Даниловский Благовестник Житие преподобного Василия Нового и видения ученика его Григория

Один мирянин, которого имя Григорий и который написал это житие, снискал особенную любовь преподобного. Он сделался учеником его и был очевидцем многих чудесных дел, совершенных преподобным.

«Когда в первый раз я пришел к преподобному, — пишет Григорий в «Житии преподобного Василия Нового», — то он, не видевши меня еще никогда, назвал меня по имени и рассказал мне о всех моих добрых и худых делах, которые я совершил в течение всей своей жизни. Однажды я, взяв позволение у святого, отправился во Фракию посмотреть свое поле. Во время путешествия своего я остановился ночевать в одной гостинице и там нашел довольно хороший пояс стоимостью в две золотые монеты и взял его. Пояс принадлежал дочери содержателя гостиницы. Начали его искать, но все было напрасно. Я же молчал о находке, так рассуждая: «Лучше я продам этот дорогой пояс и деньги раздам нищим; а потерявшие, как видно, люди богатые». Господь наказал меня за это похищение тем, что я потерял свой пояс, стоящий столько же, да еще мешочек с четырьмя золотыми и несколькими серебряными монетами, которые я взял на дорогу. Огорченный потерей, я наконец заснул. Во сне явился ко мне святой Василий и, держа разбитый сосуд, сказал:

«Видишь ли в руках моих разбитый и негодный к употреблению сосуд?» «Вижу», — отвечал я. Тогда преподобный сказал: «Если кто украдет и такой сосуд, то непременно за этот поступок будет наказан Богом если не в настоящей, то в будущей жизни, а

именно: если украдет богатый, то взыщется с него в сей жизни вчетверо; а если украдет неимущий, то наказан будет за это в жизни будущей». «Я никогда ничего не крал, святой отец», — сказал я на это. «Как ты осмеливаешься говорить, что не украл ничего, когда ты скрыл пояс, найденный тобою в гостинице, и вот теперь ты потерял более чем вчетверо; но берегись, чтобы не случилось с тобою еще чего, хуже этого». Произнесши эти слова, преподобный стал невидим. Тяжело я почувствовал себя, пробудившись от сна и вспомнив слова преподобного. Потом я поспешно отправился в путь.

Дома, во время собирания плодов, мне пришлось испытать гораздо большее искушение, и если бы не слова преподобного: «Берегись, чтобы не случилось чего еще хуже», то я не выдержал бы этого искушения.

Наконец плоды с полей моих были собраны, и я возвратился к преподобному.

Придя к нему, я узнал, что прислужница его Феодора, приняв иноческий чин, мирно отошла ко Господу. Все знавшие ее были огорчены ее кончиной — так она много добра сделала в своей жизни. Не менее других был огорчен и я; но не столько я скорбел о потере ее, сколько о том, что не знал, какой участи удостоилась она по кончине своей и причислена ли она к лику святых праведников или нет...

Будучи мучим такими внутренними вопросами, я сначала ничего не говорил святому Василию, но потом, зная, что преподобный по своей прозорливости уже сам знает мои тайные помышления и желания, обратился к нему с убедительной просьбой рассказать мне, какой участи удостоилась по кончине своей Феодора, которая вполне благочестиво провела последние дни своей жизни. Святой Василий внимательно, по обыкновению, выслушав мою просьбу, обещал молить милосердного Господа о даровании мне этой милости. Господь услышал молитву преподобного. Когда я уходил домой, преподобный спросил меня еще раз: «Так ты очень желаешь этого?» На это я ответил, что очень, очень желал бы. Преподобный сказал: «Ты увидишь ее сегодня, если с верою просишь и не сомневаешься в возможности исполнения просимого». Я был сильно удивлен и рассуждал сам с собой: как и где я увижу ту, которая отошла в жизнь вечную?

Видение Григория, ученика преподобного Василия, о мытарствах преподобной Феодоры

В ту же ночь я заснул на одре своем и вот вижу некоего юношу благообразного и очень привлекательного. Подойдя ко мне, он сказал: «Встань, зовет тебя преподобный отец Василий, чтобы вместе пойти посетить Феодору; если ты хочешь увидеть ее, то иди к

нему и увидишь».

Я постарался скорее встать; сейчас же направился к преподобному и, не найдя его у себя, спрашивал о нем у всех присутствовавших там. Мне ответили, что преподобный Василий сам ушел посетить Феодору. Больно мне было слышать это, и я с грустью воскликнул: «Как же он не подождал меня, чтобы и мне исполнить свое заветное желание и утешиться, увидевши свою духовную мать!..» И вот некто из присутствующих указал мне путь, по которому отправился святой Василий и по которому я должен был идти. Я отправился вслед святому, и вдруг очутился как бы в неведомом лабиринте: узкая дорога, неизвестно куда ведущая, была так неудобна, что со страху едва можно было идти по ней... Я оказался перед воротами, которые были крепко заперты; приблизившись к ним, я посмотрел в скважину, желая увидеть кого-нибудь внутри двора, чтобы спросить о святом, не зашел ли он сюда. Действительно, к счастью моему, я увидел там женщину, сидящую и беседующую со своими друзьями. Okликнув ее, я спросил: «Госпожа, чей это двор?» Она ответила, что он принадлежит отцу нашему Василию, который недавно пришел сюда, чтобы посетить своих духовных чад. Услышав это, я очень обрадовался и осмелился просить ее отворить мне ворота, чтобы и мне войти, так как я тоже чадо святого Василия. Но без разрешения Феодоры служанка не открыла мне двери. Я начал сильнее стучать в дверь, прося открыть. Феодора услышала, сама пришла к воротам и, увидев меня, тотчас узнала и поспешила открыть, сказав при этом: «Вот он — возлюбленный сын господина моего Василия!» Она ввела меня во двор, радуясь моему приходу, и, приветствуя меня целованием святым, говорила: «Брат Григорий, кто тебя наставил прийти сюда?» Я ей подробно рассказал, как по молитве святого Василия я получил эту милость — видеть ее во славе, которую она приобрела благодаря своей подвижнической жизни.

Ради духовной пользы я убедительно просил преподобную рассказать мне все: как она рассталась с телом, как прошла мимо клеветников, как пришла в эту святую обитель, как здесь живет... Феодора ответила мне: «Страшно даже вспомнить, любезное чадо Григорий, то, о чем ты спрашиваешь... После того что я в страхе и трепете испытала, многое из виденного и слышанного я забыла, тем более что видела лица, которых во время своей земной жизни не видела, слышала голоса и речи, каких не приходилось никогда слышать. Что могу сказать, так это то, что лютая мне встретилась бы смерть за мои дела неправые, совершенные на земле, если бы не молитвы отца нашего Василия... Молитвы его сделали мою смерть легкой. Трудно описать болезнь телесную и те мучения и страдания, какие переносит умирающий; представь себе, однако, вот если бы кто нагим бросился в пламя и там начал мало-помалу гореть и разрушаться от огня... Вот чему подобна болезнь смертная и—о, как люто разлучение души от тела, особенно же для таких грешников, как я!

20.09.09 14:20 - Последнее обновление 23.09.09 16:50

Когда настал час моей смерти, я вдруг увидела множество злых духов, которые явились ко мне в образе эфиопов и, став у одра моего, вели возмутительные разговоры и зверски посматривали на меня... Глаза у них были налиты кровью и казались чернее смолы. Всевозможные вещи проделывали злые духи, чтобы устроить меня: и похитить собирались, и присвоить себе, и большие книги приносили, в которых были записаны все мои грехи, какие я только совершила со дня своей юности; пересматривали эти книги, как будто ожидая с минуты на минуту прихода какого-то судьи. Видя все это, я волновалась от страха. От трепета и ужаса я вконец изнемогла и в таких страданиях посматривала и туда и сюда, желая увидеть кого-нибудь и просить, чтобы отогнали этих бесчинных эфиопов, но, увы, не было никого, кто бы помог мне избавиться от них.

Находясь в таком мучительном состоянии, я вдруг увидела двух Ангелов в образе светлых юношей, весьма благообразных, одетых в золотые одежды; волосы у них были как снег. Они приблизились к одру моему и стали по правую сторону. Не было пределов моей радости, когда я увидела их. Злые духи, увидев явившихся Ангелов, со страхом немедленно отошли подальше. Тогда один из Ангелов с гневом обратился к ним и спросил: «Зачем вы, мрачные враги рода человеческого, смущаете и мучите душу умирающей? Не радуйтесь, здесь вашего ничего нет». После того как Ангел сказал это, бесстыдные духи начали перечислять все то, что я сделала от юности своей, словом ли, делом ли, или помышлением, — все это они рассказывали Ангелам и при этом ехидно спрашивали у них:

«А что? разве ничего нет?.. Не она ли все это сделала?..» И многое, многое еще они прибавили от себя, желая как можно более оклеветать меня.

Вот, наконец, пришла и смерть. Она налила чего-то в чашу, а чего — я не знаю, поднесла

мне испить и затем, взяв нож, отсекала мне голову. Ах, чадо мое, как мне тогда стало горько, горько! И в эту-то минуту смерть исторгла мою душу, которая быстро отделилась от тела, подобно тому, как птица быстро отскакивает от руки ловца, если он выпускает ее на свободу.

Тогда светозарные Ангелы приняли меня на руки свои, и мы начали восходить на небо. Оглянувшись назад, я увидела тело свое, лежащее неподвижно, бездушное и бесчувственное, как обыкновенно лежит одежда, когда кто, раздевшись, бросит ее и потом, став пред нею, смотрит на нее. Когда святые Ангелы несли меня, то приступили злые духи и сказали: «Вот у нас многие ее грехи: отвечайте нам за них». Святые Ангелы в ответ на это представили все те добрые дела, какие я когда-либо совершила: когда дала бедному хлеба, или напоила жаждущего, или посетила больного или в темнице заключенного, или когда в церковь с усердием ходила, или страннику дала покой в доме своем, или когда налила масло в лампаду в церкви, или дала фимиам на храм Божий, или когда примирила кого-либо из враждовавших, или пролила слезы на молитве, или когда неприятности с терпением переносила, или странникам ноги омыла, или утвердила в вере людей маловерующих, или предостерегла кого-либо от греха, или скорбела о чужих несчастиях и напастях, или пострадала за других, или поспешила к кому на дело доброе, или совершила много поклонов; или когда постилась, чтобы победить в себе зло и покорить плоть духу, или постилась в Четыредесятницу, и к Рождеству Христову, и к празднику Святых апостолов, и к Успению Пресвятой Владычицы нашей Богородицы, и во всякую среду и пяток; или когда старалась не видеть бесполезного, не слышать празднословия, клеветы и лжи; все это собравши, они противопоставили эти добрые дела моим грехам, и последние были искуплены первыми.

Злые духи скрежетали зубами, желая похитить меня у Ангелов и ввергнуть в бездну; но в это время внезапно явился среди нас святой Василий и сказал святым Ангелам: «Господа мои, эта душа много мне послужила, успокаивая мою немощь и старость. Я молился о ней Господу, и Он даровал мне благостыню эту». При этом он дал им какой-то ковчежец и добавил: «Когда будете проходить воздушные мытарства, искупайте душу сию от долгов ее, взяв из ковчежца и отдав лукавым и злым духам». Отдав ковчежец, святой отошел. Духи злобы, увидев все это, долго оставались в недоумении и безгласными, а потом вдруг, громко воскликнув, завопили: «Горе нам, напрасно мы трудились, следивши за нею, как и где она грешила!..» Сказав это, они мгновенно исчезли. Затем явился снова преподобный Василий и принес с собой много различных сосудов с ароматами, которые вручил юношам.

Открывая один сосуд за другим, юноши возливали на меня ароматы, я исполнилась благоухания духовного и почувствовала, что изменилась и стала очень светла. Преподобный сказал святым Ангелам: «Господа мои! Когда все необходимое совершите

над нею, тогда приведите ее в предуготовленную мне от Господа обитель и оставьте ее там». Сказав это, он отошел.

Святые Ангелы взяли меня от земли и направились вверх на небеса, как бы восходя по воздуху. И вот на пути внезапно встретили мы мытарство первое, которое называется мытарством празднословия и сквернословия. Явились истязатели и требовали дать ответ во всем, что я дурно когда-либо о ком-нибудь говорила; обвиняли меня за дурные песни, которые я пела, за неприличный смех и насмешки. Все это было забыто мной, так как много времени прошло с тех пор. Но Ангелы защитили меня от истязателей, и мы отправились дальше.

Поднимаясь выше к небу, мы достигли мытарства второго — мытарства лжи. Находившиеся там злые духи были очень мерзки, противны и свирепы. Они, увидев нас, вышли навстречу к нам и начали оклеветывать меня, указывая на время и место, когда и где я говорила на кого ложь, указывали даже тех лиц, о которых я сказала неправду. Ангелы с своей стороны защищали меня и дали злым истязателям из ковчежца святого Василия; и мы миновали их без беды.

Достигли мы и третьего мытарства — мытарства осуждения и клеветы. Здесь находилось множество злых духов. Один из них, более старый, подошел и начал говорить о том, когда и какими дурными словами я кого оклеветала в течение всей своей жизни. Правда, что многое они и ложно показывали, но во всяком случае мне было удивительно, как они могли помнить все действительно бывшее с такою подробностью и точностью, о какой я сама забыла. Все это мучило и терзало меня. Ангелы святые с своей стороны рассказали о моих добрых делах, отделив при этом из ковчежца, данного святым Василием. Миновали мы и эту беду.

Встретили мы дальше на пути мытарство четвертое — объядения и пьянства. Слуги этого мытарства стояли, как волки хищные, готовые поглотить всякого проходящего к ним. Они напустились на меня, как псы, высказывая все то, что я от юности сделала в отношении чревоугодия, вспоминали, когда я ела утром, не помолившись Богу, указывали и на то, что я ела скоромное в постные дни, что ела до обеда и во время обеда чрез меру, что ела без меры и перед ужином, и во время ужина; во всем этом они обличали меня, стараясь вырвать из рук Ангелов. Наконец, один из них спросил меня: «Не ты ли обещала при святом крещении Господу Богу своему отречься от сатаны и всех дел его и от всего, что принадлежит сатане? Давши такой обет, как ты могла совершить то, что ты совершила?» Они выставили на вид даже счета тем чашам, которые я в течение всей своей жизни выпила, говоря мне: «Не столько ли чаш выпила ты в такой-то

день, и в такой-то с тобой пил мужчина, а в такой — женщина? Не была ли ты пьяна, пивши без меры и так много?..» Словом, много на меня эти ненавистные враги рода человеческого клеветали, стараясь похитить меня из рук Ангелов. Тогда я сказала, что действительно все это было и что все это я помню... Ангелы, дав часть из ковчежца святого Василия, искупили мои грехи чревоугодия, и мы отправились дальше.

Один из Ангелов сказал мне: «Видишь ли, Феодора, что приходится испытывать душе умершего, когда она проходит все эти мытарства и встречается с этими злыми духами, с этими князьями тьмы». Я отвечала:

«Да, я видела и ужасно перепугалась; мне думается, знают ли находящиеся на земле люди, что ждет их здесь и с чем они встретятся по смерти своей?» «Да, они знают, — сказал Ангел, — но наслаждения и прелести жизни так сильно действуют на них, так поглощают их внимание, что они невольно забывают о том, что их ждет за гробом. Добро тем, которые помнят Священное Писание и творят милостыню, или совершают какие-либо другие благодеяния, которые впоследствии могут искупить их от вечных мук ада. Тех же людей, которые живут небрежно, как будто бессмертные, думая только о благах чрева и о гордости, — если их внезапно застигает смерть, то окончательно погубит, так как они не будут иметь в защиту себя никаких добрых дел. Души тех людей темные князья мытарств сих, сильно измучив, отведут в темные места ада и будут держать их там до пришествия Христова — и ты, Феодора, пострадала бы так, если бы не получила от угодника Божия Василия дарований, которые тебя спасли здесь от всех этих бед».

Ведя такую беседу, мы достигли пятого мытарства — мытарства лености, где истязуются грешники за все дни и часы, проведенные в праздности. Тут же задерживаются тунеядцы, жившие чужими трудами, а сами не хотевшие трудиться, и наемники, бравшие плату, но не исполнявшие обязанностей, принятых на себя. Тут же истязуются и те, кои не радят о прославлении Бога, ленятся в праздничные и воскресные дни ходить в храм на утреннее богослужение, на Божественную литургию и другие священные службы. Тут же испытываются вообще уныние и небрежение как мирских людей, так и духовных и разбирается нерадение каждого о душе своей, и многие оттуда низводятся в пропасть. И я была там много испытываема, и нельзя бы мне было освободиться от долгов, если бы святые Ангелы не восполнили моих недостатков дарами преподобного Василия.

Пришли к мытарству шестому — воровства. Здесь тоже немного дали злым духам и прошли свободно.

Мытарство седьмое, сребролюбия и скупости, прошли мы без задержания, потому что я, по милости Божией, никогда в жизни моей не заботилась о многом приобретении и не была сребролюбива, довольствуясь тем, что Бог давал; и не была скупой, но что имела, усердно раздавала нуждающимся.

Вошли мы в мытарство восьмое, лихоимства. Представители же сего мытарства, истязующие грехи взяточничества и лести, ничего не имели против меня и поэтому со злостью заскрежетали зубами, когда мы безбедно уходили от них.

Вот мытарство девятое — неправды и тщеславия. В них я была невиновна, и скоро мы отправились оттуда.

Достигли мы и десятого мытарства, мытарства зависти. Благодатию Христовой и здесь ничего против меня не имели злые духи: ни в памяти своей, ни в книгах своих ничего в осуждение меня не нашлось у них. И мы с радостью направились далее.

Встретилось мытарство одиннадцатое, где испытываются грехи гордости, но его мы прошли совершенно свободно, так как я оказалась невиновною в этом грехе.

Восходя дальше к небу, мы встретили мытарство двенадцатое — мытарство гнева. Счастлив человек, который, живя, не испытывал гнева. И вот старейший из злых духов', находившийся здесь и сидевший на престоле, исполненный ярости и гордости, с гневом приказал находящимся тут слугам своим мучить и истязать меня. Последние, как псы облизываясь, начали доносить на меня. Они открывали не только то, какие слова я действительно с яростью и гневом когда-то произнесла или каким словом кому повредила, но говорили и о том, как я когда-то с гневом посмотрела на своих детей, а в другой раз слишком строго наказала их. Они представили все очень живо, указав даже время, когда тот или иной грех был мною совершен, и тех людей, на которых я когда-то свой гнев изливала, повторили даже подлинные мои слова, которые я тогда произносила, и сказали, кто присутствовал при этом. На все это Ангелы ответили тем, что дали из ковчежца, и мы отправились выше.

И встретилось нам мытарство тринадцатое — злопамятства. Как разбойники, подскочили к нам злые духи и, испытывая меня, хотели что-либо найти, записанное в хартиях своих, но так как, по молитве святого Василия, ничего не нашли, то зарыдали... Я во многом была грешна, но любовь питала ко всем, и к великим и к малым, никого никогда не оскорбляла, никогда не помнила зла, никогда не мстила другим за зло... И мы без остановки пошли дальше.

Одного из Ангелов, сопровождавших меня, осмелилась я спросить: «Умоляю тебя, скажи мне, откуда знают эти злые духи, которые нам встречались в мытарствах, кто и что в жизни сделал дурного?» Ангел святой отвечал: «Всякий христианин при святом крещении приемлет Ангела-хранителя, который невидимо оберегает его от всего дурного и наставляет на все доброе и записывает все добрые дела, совершенные этим человеком... С другой стороны, злой ангел в течение всей жизни следит за злыми делами человека и записывает их в своей книге; он записывает все грехи, в которых, как ты видела, испытываются люди, проходящие мытарства и направляющиеся на небо. Грехи эти могут возбранить душе вход в рай и низвергнуть прямо в бездну, в которой живут и сами злые духи. Там души эти будут жить до второго пришествия Господа нашего Иисуса Христа, если не имеют за собой благих дел, которые бы могли вырвать их из рук диавола. Люди, верующие в Святую Троицу, приобщающиеся как можно чаще святых Тайн Тела и Крови Христа Спасителя, имеют прямо восход на небо, без всяких препятствий, и святые Ангелы являются их защитниками, и святые угодники Божий молятся о спасении душ таких праведно поживших людей. О злочестивых же и зловерных еретиках, которые не совершают в жизни своей ничего полезного, которые живут одним неверием и ересью, никто не заботится, и в защиту их Ангелы ничего не могут сказать.

Пришли в мытарство четырнадцатое — разбойничества. В нем испытываются все те, кто с гневом толкал кого-либо, или бил по щекам, по плечам и шее жезлом, или палкой, или каким-либо другим оружием. Святые Ангелы, дав немного из ковчежца, провели меня и чрез это мытарство без вреда.

Мы внезапно оказались в мытарстве пятнадцатом — чародеяния, обаяния, отравления наговорными травами, призывания бесов. Здесь находились злые духи, змееобразные по виду, для которых единственная цель существования — это вводить людей в соблазны и разврат. Ни один из них не мог и слова сказать против меня, так как в этих грехах я была невиновною. По благодати Христовой мы скоро миновали и это мытарство.

После этого я спросила у Ангелов, сопровождавших меня: «За всякий ли грех, который человек совершит в жизни, он в мытарствах сих, после смерти, истязуется или, быть может, возможно еще в жизни загладить свой грех, чтобы очиститься от него и здесь уже не мучиться за него. Я просто трепещу от того, как подробно все разбирается». Ангелы отвечали мне, что не всех так испытывают в мытарствах, но только подобных мне, не исповедавшихся чистосердечно перед смертью. Если бы я исповедала отцу духовному без всякого стыда и страха все греховное и если бы получила от духовного отца прощение, то я перешла бы беспрепятственно все эти мытарства и ни в одном грехе мне не пришлось бы быть истязуемой. Но так как я не захотела чистосердечно исповедать духовному отцу своих грехов, то здесь и истязуют меня за это.

Конечно, мне много помогало то, что я в течение всей своей жизни желала и старалась избегать греха. Тот, кто с усердием стремится к покаянию, всегда получает от Бога прощение, а чрез это и свободный переход от жизни сей в блаженную жизнь загробную. Духи злые, которые находятся в мытарствах вместе со своими писаниями, раскрывши их, ничего не находят написанным, ибо Святой Дух делает невидимым все написанное. И видят это они, и знают, что все, записанное ими, изглажено благодаря исповеди, и очень скорбят тогда. Если человек еще жив, то они стараются снова на этом месте вписать какие-нибудь другие грехи. Велико, поистине, спасение человека в исповеди!.. Она спасает его от многих бед и несчастий, дает возможность беспрепятственно пройти все мытарства и приблизиться к Богу. Иные не исповедуются в надежде, что будет еще время и для спасения, и для оставления грехов; иные просто стыдятся на исповеди высказать духовнику свои грехи — вот такие-то люди будут испытаны в мытарствах строго. Есть и такие, которые стыдятся все высказать одному духовному отцу, а избирают несколько, и одни грехи одному духовнику открывают, другие — другому и так далее; за такую исповедь они будут наказаны и немало претерпят, проходя мытарства.

Так мы шли и беседовали; незаметно перед нами показалось мытарство шестнадцатое — мытарство блуда. Истязатели этого мытарства вскочили и, глядя на нас, изумлялись тому, что мы достигли беспрепятственно этого мытарства, и несколько времени стояли как будто в забытьи. Потом они принялись истязать меня, причем говорили не только правду, но много дали и ложных показаний, приводя в подтверждение имена и места; здесь задержались мы довольно долго.

Вот мытарство семнадцатое — прелюбодеяния. Слуги этого мытарства быстро подскочили ко мне и начали излагать мои грехи: как я прежде, когда еще не служила у святого отца нашего Василия, имела супруга, которого мне дала моя госпожа, и жила с ним, а когда-то с другими согрешила; и очень много на меня клеветали. Святые Ангелы и здесь защитили меня, и мы пошли дальше.

Явились мы потом на восемнадцатое мытарство — мытарство содомских грехов, где истязуются все противоестественные блудные грехи, и вообще все сквернейшие, тайно совершаемые дела, о которых, по слову апостола, срамно есть и глагалати[10]. Я не была виновна против грехов этого мытарства, и мы скоро его миновали.

В то время, когда мы поднимались выше, святые Ангелы сказали мне: «Ты видела страшные и отвратительные блудные мытарства; знай, что редкая душа минует их свободно: весь мир во зле соблазнов и скверн, все почти люди сластолюбивы; помышление сердца человеческого — зло от юности его[11]', мало умерщвляющих плотские похоти и мало таких, которые бы свободно прошли мимо этих мытарств. Большая часть, дошедши сюда, погибает. Власти блудных мытарств хвалятся, что они одни более всех прочих мытарств пополняют огненное родство во аде[12]. Благодарю Бога, Феодора, что ты миновала этих блудных истязателей молитвами отца своего, преподобного Василия. Более уже не увидишь страха».

После этого мы пришли на девятнадцатое мытарство — которое носит название «идолослужение и всякие ереси». Здесь ни в чем меня не испытывали, и мы скоро миновали его.

Затем нам встретилось мытарство двадцатое, которое называется мытарством немилосердия и жестокосердия. В этом мытарстве записаны все немилостивые, жестокие, суровые и ненавидящие. Когда кто не следует заповеди Божией и немилосерд, то душа такого человека, придя в это мытарство, подвергнута будет разным истязаниям и брошена в ад, и там затворят ее до общего Воскресения. Такую душу Бог не помилует, так как она ни убогому не подала куска хлеба, ни нищего не успокоила, ни болящего не посетила, не помиловала слабого и обиженного, если не делом, то хотя словом утешительным, и в его горе не поскорбела вместе с ним, но, наоборот, совершала все противоположное.

Когда мы пришли сюда, князь сего мытарства показался мне весьма и весьма жестоким, суровым и даже унылым, как будто от продолжительной болезни. Он плакал и рыдал; казалось, что он дышит огнем немилосердия. Слуги его подлетели ко мне, как пчелы, и начали меня испытывать, но, не нашедши ничего, они отошли; мы же, веселые и радостные, отправились дальше.

И вот мы приблизились к вратам небесным и вошли в них, радуясь, что благополучно прошли горькие испытания в мытарствах. Врата эти были как хрусталь, а здания, которые здесь находились, блистали как звезды. Стоявшие тут юноши в золотых одеждах с радостью приняли нас, увидев, что душа моя избежала горьких испытаний воздушных мытарств... Когда мы шли, веселясь и радуясь о спасении, вода, бывшая над землей, расступилась, а позади снова соединилась. Пришли мы на одно страшное место, где были юноши, очень красивые, в огненных одеждах. Они встретили нас, радуясь тому, что душа моя спасена для Царствия Божия, и пошли вместе с нами, поя Божественную песнь.

Когда мы шли, вдруг на нас спустилось облако, затем другое; пройдя еще немного, мы увидели пред собой на возвышении Престол Божий, весь белый, просвещающий всех предстоящих пред ним. Вокруг него стояли юноши весьма красивые, блиставшие, одетые в прекрасные одежды... Как рассказать тебе об этом, чадо мое Григорий?.. Все, что я там видела, невозможно ни понять, ни объяснить; ум омрачается недоумением, и память исчезает — так что я забыла, где нахожусь.

Приведшие меня святые Ангелы подвели меня к Престолу Божию, и я поклонилась невидимому Богу. Затем услышала голос, говорящий: «Пройдите с нею и покажите ей души праведных и грешных и все обители святых, находящиеся в раю, и места в преисподней, и потом дайте ей покой там, где укажет угодник мой Василий».

Мы отправились по неведомому пути и пришли в обители святых. Здесь увидела я различные палаты, сотворенные рукою Божией, искусно и красиво устроенные. Я изумилась увиденному и с радостью смотрела на все. Святой Ангел, показывая мне обители святых, пояснял: «Это обитель апостолов, а то — пророков и мучеников, а другие обители — святителей, преподобных и праведников». Когда мы вошли внутрь и оказались посреди этих прекрасных обителей, то святые встретили нас, радуясь о моем спасении, и облобызали лобзанием духовным. Затем привели меня в жилище патриарха Авраама. Оно было заполнено славой и радостью духовной, и ароматами благовонных цветов. Были здесь различные палаты, какие может устроить только Дух Божий. Мы увидели множество младенцев, ликующих и веселящихся. Я спросила водящих меня Ангелов, что это за собор светоносных младенцев, ликующих и веселящихся вокруг этого святого старца? Ангелы ответили мне, что старец — это патриарх Авраам, а собор младенцев — это христианские младенцы. Затем мы отправились осматривать окрестности рая, красоту которых просто невозможно описать.

Невозможно словами изобразить то, что я видела и слышала; когда же пытаюсь продолжить рассказ, на меня нападает страх и трепет...

Затем меня повели в преисподнюю, где Господь заключил сатану, связав его. Там видела я ужасные муки. Оттуда мы направились на запад, где я видела столь же страшные муки, приготовленные для грешников. Все это Ангелы показывали мне, говоря: «Видишь, от каких бедствий ты спасена благодаря молитвам святого угодника?..» В страшных муках грешники кричали и молили о помиловании их. О многих тех мучениях тяжело и вспоминать.

Когда мы рассмотрели все это, то один из Ангелов, сопровождавших меня, сказал: «Знаешь, Феодора, что в мире есть обычай: в сороковой день после смерти оставшиеся в живых творят память по умершим; так вот, там, на земле, сегодня поминает тебя преподобный Василий».

Итак, теперь, духовное чадо мое Григорий, по прошествии сорока дней после разлучения моей души с телом, я нахожусь в этом месте, которое уготовано преподобному отцу нашему Василию. Ты еще в мире, и преподобный Василий тоже; он наставляет всех проходящих к нему на путь истины и, приводя к покаянию, многих обращает ко Господу. Иди за мной: мы войдем в мои внутренние покои и ты рассмотришь их. Здесь недавно, перед самым твоим приходом, был преподобный Василий...»

Я пошел вслед за ней, и мы вместе вошли туда. Когда мы шли, то я заметил, что ее ризы были белы как снег. Мы вошли во дворец, украшенный золотом;

посреди него росли различные деревья с прекрасными плодами; посмотрев на восток, я увидел роскошные палаты, светлые и высокие. Здесь был большой трапезный стол, на котором стояли золотые сосуды, весьма дорогие. В сосудах этих находились овощи разных сортов, от которых исходили чудные благоухания.

Здесь был и преподобный Василий. Он сидел на прекрасном престоле. Здесь же, возле трапезы, стояло множество людей, но лишь похожих на тех, какие живут на земле, — они имели очертания человеческие и были окружены как бы солнечными лучами. Когда они ели от трапезы, то она снова чудесно наполнялась. Прекрасные юноши подавали им

кушанья. Они были препоясаны золотыми ремнями, а на главах их были венцы, сделанные из дорогого камня.

Феодора, подойдя к святому Василию, стала просить его обо мне. Преподобный, посмотрев на меня с радостью, подозвал к себе. Я, приблизившись, поклонился ему, по обычаю, до земли, и он тихо сказал мне: «Бог помилует тебя и простит, чадо мое!.. Он, Всемилостивый, наградит тебя всеми небесными благами». Подняв меня с земли, он продолжал: «Вот Феодора; ты так сильно желал ее видеть и так сильно просил меня об этом; вот ты видишь ее: где она, и какой участи сподобилась ее душа в этой загробной жизни». Обратившись к Феодоре, преподобный сказал ей: «Иди с ним и покажи сад мой. Пусть увидит красоту его».

Взяв меня за правую руку, она привела меня к стене, в которой были золотые врата и, открывши их, ввела внутрь сада. Я увидел там замечательно красивые деревья: листья на них были золотые, украшены они были цветами, от которых распространялось приятное благоухание. Таких прекрасных деревьев было бесчисленное множество; их ветви преклонялись до земли от тяжести плодов. Меня все это поразило. Феодора, обратившись ко мне, спросила: «Чему ты удивляешься?.. Вот если бы ты видел сад, называемый раем, который насадил Сам Господь на востоке, как бы ты тогда удивился!.. Наверное, ты поражен был бы его величием и красотой; этот против рая — ничто». Я умолял Феодору сказать мне, кто насадил этот сад, подобного которому я никогда не видел... Она отвечала, что я и не мог видеть ничего подобного, так как нахожусь еще на земле, а здесь все неземное, и жизнь они здесь проводят неземную.

«Жизнь, полная трудов и пота, — продолжала Феодора, — какую проводил преподобный отец наш Василий от юности до глубокой старости, усиленные его молитвы, лишения, которые он переносил, когда спал на голой земле, претерпевая часто зной и мороз, питаясь подчас только одной травой, — еще прежде, чем пришел в Константинополь, — только такая подвижническая жизнь послужила во спасение ему самому и чрез него многим из людей; только за такую жизнь и за молитвы подобных подвижников Бог дает в загробной жизни такие обители. Кто в земной своей жизни переносит много скорбей и напастей, кто строго хранит заповеди Господни и в точности исполняет их, тот получает награду и утешение в жизни загробной, как и святой псалмопевец Давид сказал: Плоды трудов своих снеси[13].

Когда Феодора сказала, что жизнь на Небе отличается от жизни земной, то я невольно ощупал себя, как будто желая узнать, во плоти ли я еще и, конечно, убедился в этом. Чувства и помыслы мои были чисты, и дух мой радовался от всего, что я увидел. Я

захотел возвратиться во дворец теми же вратами, чрез которые вышел. Войдя туда, за трапезой я уже никого не нашел. Поклонившись Феодоре, я возвратился домой. В это самое мгновение я проснулся и стал размышлять: где я был и что было все то, что я видел и слышал?..

Встав со одра своего, я отправился к святому Василию, чтобы от него узнать, было ли это видение от Бога или от бесов. Придя к нему, я, по обычаю, поклонился до земли. Он благословил меня, приказал сесть вблизи себя и спросил: «Знаешь ли, чадо, где ты был в эту ночь?» Представившись не знающим, я отвечал: «Нигде, отче, я не был; я спал на своем одре». Преподобный сказал:

«Верно, ты действительно телом почивал на своем одре, но духом ты был в другом месте. Ты видел Феодору; когда ты подходил к вратам Небесного Царства, она тебя встретила с радостью, ввела внутрь двора, показала тебе все, рассказала о своей смерти и о всех мытарствах, которые прошла.

Не по моему ли велению ты вошел во дворец, где видел чудную трапезу и дивное устройство ее; не видел ли там прекрасные плоды: какова их сладость; каковы цветы, каково питание и какие юноши служили у трапезы? Не стоял ли ты в изумлении, глядя на красоту этих палат?.. Не показал ли я тебе Феодору, которую ты так желал видеть; не узнал ли ты от нее, что она удостоилась получить за свою благочестивую жизнь? Не по моему ли повелению она ввела тебя в мой прекрасный сад?.. Не это ли было в видении твоём в сию ночь?.. Как же ты говоришь, что ничего этого не видел?» Рассказав мне все, что я видел, преподобный Василий просил меня записать все виденное и слышанное на пользу ближних.

Когда я это услышал от святого, то уже нисколько не сомневался, что это было не мечтание, не сон, но действительное видение, посланное Господом Богом. Я размышлял сам с собою: как велик у Бога сей праведник, который был там и телом и душой и все виденное и слышанное мною знает! Я прослезился и сказал: «Правда, святой отче, все было так, как ты рассказал, и я благодарю Человеколюбца Владыку Господа нашего Иисуса Христа, сподобившего меня видеть все это и наставившего меня прибегнуть к тебе, чтобы постоянно находиться под охраной твоих молитв и насладиться видением таких великих чудес».

Затем преподобный совершил молитву и отпустил меня. Он имел обычай часто бывать у

своих духовных детей ради духовной пользы их; ведь он был незаменимый врач: молитвами исцелял как телесные, так и душевные болезни. Был он и прозорлив: духом провидел, кто из людей думает тайно сделать кому-либо злое, и предупреждал об этом; был пособником всем тем, которых постигали беды и несчастья; постоянно заботился о нищих и о сиротах; всем приходящим к нему с твердой верой в Господа давал благие советы и наставления, утешал скорбящих; и все это он делал от чистого, искреннего и любящего сердца.

Однажды, когда я сидел молча в своей келлии, вспоминая и сокрушаясь о своих грехах, у меня как-то невольно явилась в голове мысль, которая сильно заняла меня: «Насколько искренна и велика вера евреев, боящихся Бога!» Когда я думал об этом, мне невольно припомнилось, в подтверждение этой мысли, насколько был честен Авраам, праведен Исаак и велик пред Богом Моисей, знаменами и чудесами своими наказавший Египет. «Как же они, — думал я, — могут не веровать в Бога, давшего им Закон на горе Синайской и Своим гласом научившего их десяти заповедям, которые они приняли и строго и неуклонно исполняют? Как они могут не веровать и не почитать Бога, Который чрез Своего пророка Моисея разделил для них Чермное море, провел по безводной и бесплодной пустыне, избавил их от египетских работ и послал им в пустыне манну небесную?..» И, вспоминая все то, что содержится в Ветхом Завете, и все, что мною было прочитано об этом, я невольно сказал сам себе: «Поистине они счастливый и угодный Богу народ!» Но этого мало. Я снова прочитал книги Закона их и долго признавал свою мысль правильной и только наконец опомнившись и как бы придя в сознание, невольно воскликнул: «О мысль лукавая и бесполезная! Я имею духовного отца, Богом просвещенного и истину об этом знающего; пойду и расскажу ему, и он мне все разъяснит. Ведь известно, что если кто исповедует духовному отцу своему все свои сомнения, то получит облегчение от них; если же кто скроет их в себе, тот не Христов раб, но антихристов». Встав, я тотчас же пошел к отцу моему Василию.

В этот день были конские скачки, куда собрался весь народ. Я уже давно не ходил на это позорное зрелище, услышав об этом грозные слова Иоанна Златоустого. И вот, когда я пошел к святому и был близ этого позорного зрелища, на месте, называемом Диоптин, у меня вдруг явилось сильное желание узнать, закончился ли первый бег коней и, преследуемый этим желанием, я невольно остановился и стал смотреть на это позорное зрелище. Придя затем к святому, я нашел его в молчальной келлии на молитве и, войдя туда, сделал ему обычный поклон. Тогда он, благословив меня и сотворив надо мною молитву, сказал мне с великим гневом: «Вот пришел ко мне человек, мудрствующий об иудействе, который, прочитав книги Ветхого Завета и не поняв его, прельщенный своей мыслью, сказал сам себе: «Глубоко и искренно веруют проклятые иудеи, темные, помраченные и поистине слепые!» Вот истинный толкователь Писания, который, достойно восхваляя древних пророков, восклицает: «Как свято иудеи соблюдают Закон тем, что в Бога Небесного веруют!» Вот человек, который оставил плач о грехах своих, перестал со слезами молить об их прощении и помышлять о том, как придется стать

пред судилищем Христовым, но говорит сам себе: «Как искренно и глубоко веруют иудеи и не соблазняются!» И не только это, но и на ипподром¹⁴ зашел, где неразумные люди радость бесам доставляют, угождая им этим позорным зрелищем. Поистине диавол внушил тебе эти мысли и тем самым дважды заставил тебя согрешить!»

Я же, слушая это, сказал сам себе: «Вот, пришло время услышать тебе обличение твоим помыслам». Святой же продолжал: «Скажи мне, отчего ты думаешь, что искренно веруют иудеи?» Я в недоумении не знал, что ответить ему.

Тогда святой сказал опять: «Что это значит, когда Господь сказал в Евангелии Своём: Кто не чтит Сына, тот не чтит и Отца, пославшего Его^[15]. Видишь ли ты теперь, как легкомысленны и далеки от спасения те, которые, хотя и считаются верующими в Бога, но Сына Божия не признают? Или вот, в другом месте, сказал Господь иудеям: Вы не знаете ни Меня, ни Отца Моего^[16]. Если они видели Его на сонмищах поучающим их, тьму чудес творящим, с ними беседующим и среди них пребывающим и не поняли Его как следует, то как же они могут знать и искренно веровать в Отца Его, Которого они даже никогда и не видели! Это ли не безумная мысль!

Или еще сказал Господь иудеям: Я пришел во имя Отца Моего, и не принимаете Меня, а другой придет во имя свое, его примете^[17]. Или вот, в другом месте, Господь говорит: Се оставляется вам дом ваш пуст^[18] Так видишь ли, как Бог отринул их от Себя и рассеял по всем концам вселенной и даже самое имя их сделал ненавистным среди всех народов, населяющих вселенную? Так было со смоковницей, когда Господь, почувствовав голод, подошел к ней и, не найдя на ней ни одного плода, проклял ее, сказав: Да не будет же от тебя плода вовек! ^[19] Под смоковницуею разумеется народ еврейский. Пришел Господь и не нашел в народе еврейском плодов праведности. Ибо хотя этот народ по видимости и исполнял Закон Божий, данный через Моисея, но плодов праведности не приносил, за что и был проклят и отвержен Богом.

Действительно, в древние времена они веровали и исполняли Закон, данный им от Бога, но в то время, когда пришел на землю Иисус Христос, они уже не поступали по Закону, ибо отказались от того, что вводило свет в их Закон, — свет, принесенный нам на землю Господом Иисусом Христом, Который и есть Истинный Закон. Ведь еще при кончине пророка Моисея Господь Бог сказал ему: «Вот ты почиешь с отцами твоими, и станет народ сей блудно ходить вслед чужих богов той земли, в которую он вступает, и оставит Меня, и нарушит завет Мой, который Я поставил с ним; и возгорится гнев Мой на него в тот день, и Я оставлю их и скрою лицо Мое от них, и он истреблен будет, и постигнут его

многие бедствия и скорби»[20].

Видишь, чадо Григорий, они совершенно отвергнуты Богом и исповедуемый ими теперь закон ложен и бесплоден. Смотри же, чадо, и помни, что после пришествия Иисуса Христа от евреев не было ни одного пророка, ни одного праведника.

Или как говорит о них пророк Давид: Да воскреснет Бог и расточатся врази Его[21]. Когда Господь наш Иисус Христос в третий день воскрес из мертвых, а через сорок дней вознесся на Небеса и когда святые Его ученики пошли во все концы вселенной проповедовать Святое Евангелие, то над Иудеей снова разразился гнев Божий. К ним явился Тит и пришел Веспасиан[22], и за свои беззакония евреи были рассеяны во все концы вселенной, как сказал о них пророк Давид: Не соберу соборы их от кровей, ни помяну же имен их устнами моими[23].

Святой же Иоанн в Откровении своем так говорит о них: Говорят о себе, что они иудеи, а они не таковы, но — сборище сатанинское[24]. Они уже больше не сонм Израилев и не сыны Божий, но сонм сатанин; когда они соберутся в свое сонмище в субботу, то не Господь среди них, а сатана присутствует на их сонмищах, радуясь тому, что они отвергли Сына Божия и кровь Его клятвою обратили на себя и на детей своих. За это Бог отвратился от них, и вера их никогда уже больше не утвердится, как было в начале. Ибо теперь сатана взял их в свое достояние и наложил на них свое мерзкое имя, так что они теперь уже сыны диавола и часть антихристовых. Прежде они были сыны Царствия Божия, теперь же они изгнаны оттуда, и их место займут те язычники, которые уверовали во Святую Троицу, — Новый Израиль, христианский народ, который составляем мы.

Знай же это, чадо Григорий, отвергни от себя греховные мудрствования и глубоко веруй в то, что если кто не верует, что Господь Иисус Христос есть Сын Божий, пришедший спасти мир, тот проклят будет. Если же кто и верует во Святую Троицу, а не исповедует, что Господь наш Иисус Христос воплотился от Святой Девы Марии, и был совершенным Богом и совершенным Человеком, и даровал нам Своим Крестом жизнь, и спасение, и примирение, и милость Отца Небесного, то гнев Божий пребывает на таковом, и будет он проклят, и всякие беды постигнут его и теперь и в будущем веке».

Сказав это, преподобный умолк. Тогда я обратился к нему: «Благодарю тебя, отче

святой, великую пользу принес ты мне своими словами; но еще осмелюсь просить тебя, помолись обо мне Богу, да пошлет Он мне какое-нибудь знамение и утвердит этим мое маловерие». Он же ответил мне: «Велика просьба твоя, чадо, но знаю, что Господь никого не хочет погубить, а всех желает спасти и направить на путь истинный. Он все сотворит, что послужит тебе на пользу, все пошлет, о чем ты с верою будешь просить Его», — и отпустил меня с миром.

Источник: [Стояние за Истину](#)